

Альдона Борковска
Облик современной
польской литературоведческой русистики

В начале 50-ых годов минувшего века, когда освобожденная от немецких оккупантов Польша оказалась в сфере русского влияния, были образованы и начали вести активную научную деятельность кафедры русской филологии в польских университетах. Однако интерес поляков к культуре и языку восточного соседа появлялся задолго до этого. Правда, отношения между Польшей и Россией никогда не были простыми и далеко не всегда дружелюбными. Смутное время, а затем разделы Польши привели к возникновению негативных этнических стереотипов. В сознании поляков Россия стала врагом, отнявшим у них свободу, в русские считали нас непокорными и высокомерными бунтарями. «Кичливый лях и верный росс» — как это определил Пушкин в известном стихотворении «Клеветникам России». На территории Царства Польского не могло быть речи о русской филологии; ее истоки все же видны в лекциях Адама Мицкевича на Кафедре славистики в парижском Коллеж де Франс в 1840 г.

Среди отцов-основателей польской русистики были такие фигуры как Александр Брюкнер (1856-1939), Мариан Здеховски (1861-1938) и Вацлав Ледницки (1891-1967) — ученые, которые еще до появления академических русистских центров в фокус своего внимания ставили русскую литературу и создали ряд классических сегодня, посвященных ей трудов.¹ В пе-

© Альдона Борковска. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ См. нпр. Aleksander Brückner, *Historia literatury rosyjskiej w 2 t*, Lwów: Wydawn. Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1922-23; Marian Zdziechowski, *Europa, Rosja, Azja: szkice polityczno-literackie*, Wilno: Stowarzyszenie Nauczycielstwa Polskiego, 1923; Waclaw Lednicki, *Russia, Poland and the West*,

риод между войнами популяризации русской литературы и вообще культуры способствовали русские эмигранты — например, Сергей Кулаковский, преподаватель русского языка в Варшавском университете, опубликовавший обширную «Историю русской современной литературы» в 1937 г.

Рядом с научными исследованиями о русской словесности появлялись переводы замороженных ею польских писателей, в том числе самых выдающихся, и многих талантливых переводчиков и литературных критиков — начиная с самого Юлиана Тувима, который блестяще перевел на польский язык пушкинского «Медного всадника», Марии Домбровской, переводившей Чехова, и Казимиры Иллакович, которая приобщила польскому читателю «Анну Каренину». После войны продолжали эту деятельность Северин Поляк, Ежи Помяновски, Анджей Дравич, Виктор Ворошильски, Земовит Федецки и др.

Польская литературоведческая русистика начиналась с изучения творчества классиков и польско-русских литературных связей. Только в начале 70-ых годов минувшего века появился первый академический учебник по истории русской литературы, изданный Польской Академией наук под редакцией Марьяна Якубеца. Этот двухтомный, обширный сборник до сих пор не устарел и пользуется популярностью среди преподавателей и студентов.

Во второй половине XX века литературоведы-русисты наталкивались на ряд проблем, препятствующих всестороннему изучению и осмыслению литературного процесса в России. Идеологические барьеры мешали воссозданию его полной картины, прежде всего из-за цензурных запретов на многие темы и имена. Однако, польские русисты-литературоведы обращались к этому материалу; достаточно назвать публикации о творчестве Исаака Бабеля Янины Салайчик (*Twórczość I.E. Babla: zarys monograficzny*, Opole 1973) или Михаила Булгакова Анджея Дравича (*Mistrz i diabeł: rzecz o Bułhakowie*, Warszawa 2002). Появлялись работы о русском символизме и декадансе (Телесфор Позняк — *Dostojewski w kręgu symbolistów*, Wrocław

New York: Roy Publishers, 1954; и др.

1969, Юзеф Смага — *Dekadentyzm w Rosji*, Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź 1981), о обэриутах Алиции Володько (*Poeci z „Oberiu”*, Warszawa 1967), об акмеизме Эулалии Папли (*Akmeizm. Geneza i program*, Wrocław — Warszawa — Kraków 1980) и много других.

В конце 80-ых годов начался процесс освобождения польской русистики от тесного корсета советской дидактики. Разрушительная лавина, направленная на удаление русского языка из польских школ, не смела однако ни одного из академических центров русской филологии. Масштабные изменения в польско-русских отношениях и нарастающая враждебность ко всему, что связано с Россией — языку, литературе, культуре — не понизили заинтересованность польских русистов предметом своих исследований. В первую очередь появился интерес к раньше табуированным писателям, дисидентам, эмигрантам. Словом, к тем авторам, деятельность которых считалась антиитогалитарной. Алиция Володько-Буткевич заметила:

«Отвергая советскую иерархию ценностей, наши русисты приступили к построению новой. Можно было в связи с этим наблюдать явление, которое я назвала принципом маятника — авторы, такие как Горький, Маяковский, Фадеев, Шолохов, Алексей Толстой, теперь подвергались негативной оценке, прежде всего потому, что сотрудничали с большевистским режимом. Никто не вникал, обладали ли они все же талантом, и оставило ли их творчество след в литературе».²

Однако со временем польская русистика стала освобождаться от влияния на этот раз антисоветской идеологии. Вопросы русской культуры, а в частности литературы, все чаще оцениваются объективно, без предвзятости, прежде всего как эстетическое явление. Впрочем, беспристрастие кажется отличительной чертой новейшей польской русистики, старающейся не подвергаться влияниям политического порядка. Стоит подчеркнуть, что в сегодняшней Польше это непростая

² Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Польская литературоведческая русистика — заметки о ее прошлом и настоящем, [в:] *Philologica LXIV. Ruská literatúra v súčasnej literárnovednej reflexii*, Bratislava: Univerzita Komenského, 2008, с. 31-46; с. 33.

задача, принимая во внимание, что на протяжении всей истории судьбы народов России и Польши тесно преплетались, а исторические события неоднократно рассматривались в обеих странах если не с диаметрально противоположных позиций, то, по крайней мере, сильно отличающихся друг от друга.

Только в начале XXI века пришло время попыток построить новую историографическую перспективу, переосмысляющую культурное прошлое и освобожденную от идеологического давления, что кажется до сих пор не решенной проблемой не только русистики, но славистики в целом. Рядом с переоценкой и повторным прочтением культуры коммунистической эпохи, началось включение в исследовательский обиход новейших методологий и исследуемых на Западе проблем, напр. гендерных или постколониальных.

В настоящее время в Польше работает двадцать центров русистики, в составе которых находятся кафедры русской литературы. Я поставила перед собой задачу проследить научные выборы польских литературоведов-русистов в XXI веке, выявить, в какой степени они обусловлены внешними факторами: политической обстановкой, экономическими условиями, вкусами читателей. Польские русисты неоднократно подводили итоги, пытаясь проследить, что нашлось в центре внимания отечественных исследователей русской литературы. Однако большинство из них относилось к ее отражению в зеркале польской русистики в XX веке.³ Стоит обратить внимание, насколько новый круг их интересов заменяет прежнюю сферу, носящую сперва классово-партийный, а затем

³ См., напр.: *Czterdziestolecie rusycystyki polskiej: (1947 – 1987)*, red. Larisa Pisarek, Telesfor Poźniak, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1990; Krystyna Galon-Kurkowska, Tadeusz Klimowicz, Łucja Kusiak-Skotnicka, T. Poźniak, Milica Semkova, Marian Ściepuro, Janina Wołczuk, *Badania historycznoliterackie w Instytucie Filologii Słowiańskiej*, [w:] *50 lat nauki we Wrocławiu*, red. Wojciech Wrzesiński, Wrocław: „Leopoldinum”, 1997; *50 lat polskiej rusycystyki literaturoznawczej*, red. Barbara Stempczyńska i Piotr Fast, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000; J. Wołczuk, *Literatura na warsztacie młodych rusycystów. Z dziejów wrocławskiej dydaktyki uniwersyteckiej w XX w.*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2007.

переходный характер, а в какой степени является следствием новейших тенденций, наблюдаемых в современных гуманитарных науках.

Круг научных интересов польских русистов-литературоведов довольно широк, но не охватывает вниманием всех явлений литературного процесса в России. Результаты исследований печатаются в ведущих польских русистских журналах, к которым относятся «*Slavia Orientalis*», «*Przegląd Rusycystyczny*», «*Acta Polono-Ruthenica*», «*Folia Litteraria Rossica*», «*Studia Rossica*», а также появившийся в последние годы «*Миргород*», издаваемый Естественно-гуманитарным университетом в г. Седльце. Почти каждый академический центр выпускает серии ученых записок, послеконференционные сборники и монографии. Литературоведческие русистские исследования в Польше развиваются в нескольких направлениях и в какой-то степени зависят от ведущей темы, которую изучает данный университетский центр.

Начиная с 90-ых годов объектом пристального внимания стала эмигрантская литература, в основном первой и третьей волны. Несомненный вклад в ее изучение внес Люциан Суханек, автор монографий о Солженицыне, Зиновьеве, Лимонове, работу которого успешно продолжают его ученики — Анжей Дудек, Лидия Либурска, Катажина Дуда. Этот круг интересов имеет в разных центрах своих приверженцев — среди них Янина Салайчик, Алиция Володько-Буткевич, Анна Возьяк, Ивона Облонковска-Галянцьяк, Виктор Скрунда, Кшиштоф Цеслик, Гжегож Ойцевич и др. В начале нынешнего века вышла в Мюнхене монография Бронислава Кодзиса, профессора университета в Ополе, «*Литературные центры русского зарубежья 1918-1939*». Этот ученый, вместе с профессором Суханеком, создал при Комитете славяноведения ПАН активно работающую секцию «*Эмигрантологии*», исследующую культуру русской эмиграции.

С конца 90-х г. минувшего столетия внимание польских русистов привлекают также литература и культура Серебряного века. Ведущую роль играет в этом смысле люблинский Университет имени Марии Кюри-Склодовской. Исследуется

творчество выдающихся поэтов той эпохи, таких как Андрей Белый, Александр Блок, Анна Ахматова, Вячеслав Иванов, Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Максимилиан Волошин. Люблинскую русистику возглавляет Мария Цимборска-Лебода — автор высоко ценимой в стране и за рубежом монографии о творчестве Вячеслава Иванова. Художественным наследием этого поэта, а также связями литературы с другими видами искусства, прежде всего с живописью, занимается Гражина Бобилевич из Польской академии наук.

Анализ поля научных интересов польских русистов-литературоведов можно провести по академическим центрам, поскольку почти каждый из них выбрал для себя ведущую проблематику, под лозунгом которой ведет исследования, организует конференции и выпускает сборники статей. К примеру, Лодзинский университет является важнейшим в Польше центром изучения древнерусской литературы и литературы XVIII в. Кроме того каждые два года проводится там конференция «Диалог идей и поэтических концепций», которая охватывает русскую литературу с XVIII в по настоящее время.

В Силезском университете изучается творчество Иосифа Бродского — первую польскую монографию о нем написал работающий там профессор Петр Фаст. Он же инициатор приглашения в начале 90-х годов этого нобелевского лауреата в Катовице, где он получил звание почетного доктора гуманитарных наук. В центр внимания катовицких русистов, занимающихся литературой, попадали в последние годы вопросы перевода, а также фантастика и постмодернистская драматургия.

Варшавская русистика почти десять лет разрабатывала проект «Эго-документ и литература». Изучались дневники, мемуары, записные книжки, письма русских, а также польских писателей, если они в какой-то степени перекликались с русской культурой.

Краковские русисты ведут исследования касающиеся упомянутой уже эмиграции, деревенской прозы 60-80 гг. XX в., а также новейшей русской словесности. В Ягеллонском университете издаются три серии сборников, относящихся к теме

русской культуры: «Россия — мысль, слово, образ», «Краковские русистские встречи» и «Цвета Руси».

Научные интересы гданьских русистов сконцентрированы вокруг трех областей литературоведения — литературной антропологии, генологии и компаративистики. Исследуется современная русская словесность в отношении с другими славянскими литературами, а также с кино и массовой культурой. Своего рода феноменом является Лаборатория недогматической духовности, образованная при Филологическом факультете Гданьского университета. Инициатором этих исследований стала Эльжбета Бернат, которая собрала группу ученых, изучающих явления русской литературы в перспективе идей оккультных организаций, действующих в России до 1917 года. На протяжении двух декад гданьские ученые, объединенные в Лаборатории, стали научной школой, известной в Польше и за границей, с немалым количеством трудов — издательская серия «Свет и тьма», состоящая из пяти сборников статей⁴, а также две монографии, посвященные теме эзотерики в литературе и культуре XIX, XX и XXI веков.⁵

Вроцлавский университет с 1997 г. разрабатывает проект «Большие темы культуры в славянских литературах», в рамках которого проводятся конференции, а результаты публикуются в престижной серии «*Slavica Vratislaviensia*». В минувшем десятилетии темой научных встреч во Вроцлаве были мотивы, интерпретируемые в семиотическом аспекте — мотив денег, тела, сна, органов чувств в славянских литературах. Однако первые исследования подобного рода проводились Институтом славяноведения Польской академии наук, выпускавшем

⁴ *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku*, red. Elżbieta Biernat, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2001. Соредакторами последующих томов (2006, 2009, 2012, 2013 гг.) выступали Бернат, Моника Жечицка, Диана Оболеньска, Каролина Рутецка.

⁵ Monika Rzczycka, *Fenomen Sofii - Wiecznej Kobiecości w prozie powieściowej symbolistów rosyjskich (Andrieja Biełego, Fiodora Sologuba i Walerija Briusowa)*, 2002; *Wokół wizji i fascynacji Srebrnego Wieku*, red. Franciszek Apanowicz i Monika Rzczycka, 2008.

послеконференционные сборники, посвященные, например, мотивам мусора или болезни в культуре.

После долгих лет атеизации общества в современной Польше наблюдается углубленный интерес к исследованию литературных явлений из сферы *sacrum / profanum*. Обращение к раньше табуированной теме обусловлено по всей вероятности желанием ликвидировать «белые пятна» в области русской культуры. В качестве методологической поддержки выступают здесь антропология культуры, философия, теология, история русской церкви. Глубокими разработками этой проблематики в литературных произведениях являются монографии белостокской ученой Ванды Супы «Библия и русская литература», а также Людмилы Луцевич из Варшавского университета «Память о псалме. *Sacrum / profanum* в современной русской поэзии». Обратной стороной темы *sacrum* являются труды посвященные темам «нечистой силы», как например сборник статей «Демонологические мотивы в русской литературе и культуре XI—XX вв.» изданный в Люблине в 2004 г. или книга краковского ученого Василия Щукина «Сны об ангелах и дьяволах. Пять очерков о поэтическом воображении» (2014).

На запрещенное до недавнего времени исследовательское поле вступали не только литературоведы. Тему духовности разрабатывали также ученые, занимающиеся теорией или историей идеи, особенно Гжегож Пшебинда из Ягеллонского университета. Последняя монография этого ученого «Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше» была опубликована в 2013 г. московским издательством РГГУ. Она посвящена, главным образом, восприятию русской культуры в Польше после 1991 года. Автор размышляет над присутствием в Польше русской литературы и философской мысли XIX и XX веков и старается ответить на вопрос, насколько это способствует сегодняшнему диалогу культур и религий в общеевропейском пространстве. По мнению Павла Басинского:

«Наверное, самые вдохновенные страницы этой книги посвящены папе Иоанну Павлу II и переключкам его мыслей с русскими писателями Достоевским и Солженицыным».⁶

Междисциплинарный характер литературоведения и его переход из историко-литературной в сферу социологии, психологии, политологии заметен в трудах профессора Лодзинского университета Анджея де Лазари. Он создал проект «Русская душа и польская душа», в рамках которого опубликовано несколько сборников, объединив литературоведов историков, социологов, искусствоведов из Польши и России над исследованием этнических стереотипов и причин разногласий между поляками и русскими.

В решении сложившихся за многие столетия непростых польско-русских отношений немаловажную роль играет культура как способ выйти из политического тупика. В последние годы ярчайшим примером сотрудничества ученых обеих стран на этом поприще являются труды в сфере имагологии. Укрепление ложных этностереотипов в сознании обществ Польши и России существенно влияет на развитие русофобии и полонофобии в их народах. Поскольку большинство стереотипов рождается от дефицита сведений о данной нации, польская литературоведческая русистика стремится восполнить этот пробел.

Вопрос польско-русских сюжетов, мотивов, героев давно стал у нас традицией, а в последнее время появилась тенденция развенчивания сложившихся за полвека мифов и стереотипов. Кроме публикаций лодзинского центра выделяются труды Яна Орловского из Люблина, автора обширных монографий о польско-русских отношениях (*Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej*, Warszawa 1992, *Miecze i gałzki oliwne*, Warszawa 1995). В этой сфере Институт славяноведения Российской Академии наук сотрудничает с Институтом славистики Польской Академии наук. Польские и русские ученые провели цикл исследований «Русско-польские литературные и культурные связи в европейском контексте», посвященный

⁶ Павел Басинский, *Брачный пир и смертный бой* // Российская газета, 12 мая 2014, б. пар.: <http://www.rg.ru/2014/05/12/basinskij.html>

формированию и функционированию этнокультурных стереотипов поляков и русских в контексте их представлений о собственной принадлежности к европейскому культурному пространству, а также восприятию в России и Польше творчества деятелей культуры из обеих стран. Научным плодом этого сотрудничества стало несколько коллективных трудов и монография⁷; их ценность заключается в том, что совместными усилиями историков, филологов, культурологов Польши и России всесторонне проанализирован исторический опыт взаимоотношений двух славянских народов и осмыслены истоки польско-русских конфликтов.

Польские русисты-литературоведы, увлеченные современностью или Серебряным веком, почти забыли о классиках русской словесности. Значительно ослабло внимание к Александру Пушкину, Михаилу Лермонтову, Михаилу Салтыкову-Щедрину. Появляется незначительное количество работ о наследии Николая Лескова, Антона Чехова, Николая Гоголя, Льва Толстого. Не исчезает из поля зрения Федор Достоевский, о котором пишут у нас довольно много, чаще всего исследуя в его творчестве категорию духовности или добра и зла (Andrzej de Lazari, *W kręgu Fiodora Dostojewskiego*, Łódź 2000, Anna Kościółek *"Dziennik pisarza" Fiodora Dostojewskiego. Próba monografii*, Toruń 2000, Halyna Krysztal, *Problem zła w twórczości F. Dostojewskiego*, Lublin 2004, Cezary Wodziński, *Trans, Dostojewski, Rosja, czyli o filozofowaniu siekierą*, Gdańsk 2005, *Fiodor Dostojewski i problemy kultury*, red. Anna Rażny, Kraków 2011). Не слабеет за-

⁷ Поляки и русские в глазах друг друга, ред. Виктор Хорев, 2000; Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре, ред. Ирина Адельгейм, Мария Лескинен, В. Хорев, 2002; Миф Европы в литературе и культуре России и Польши, ред. М. Лескинен, В. Хорев, 2004; В. Хорев Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки, 2005; Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура, ред. В. Хорев, М. Лескинен, 2006; Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре, ред. Наталия Филатова, Елена Цыбенко, В. Хорев, 2007; Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой, ред. М. Лескинен, В. Хорев, 2008; Русская культура в польском сознании, ред. Н. Филатова, В. Хорев, 2009; Юлиуш Словацкий и Россия, ред. В. Хорев, Н. Филатова, 2011; Отзвуки Шопена в русской культуре, ред. Константин Зенкин, Н. Филатова, В. Хорев, 2012. Все книги выпущены московским издательством «Индрик».

интересованность ученых творчеством Иосифа Бродского. Несомненные заслуги на этом поприще принадлежат Ядвиге Шимак-Райфер из Ягеллонского университета (*Czytając Brodskiego*, Kraków 1998) и силезскому центру во главе с Петром Фастом (*Spotkania z Brodskim*, Wrocław 1994). Значимы также более поздние работы Иоанны Мадлех (*Wczesna twórczość Josifa Brodskiego*, Katowice 2000) и Моники Грыгель (*Poetycki świat wartości Josifa Brodskiego. Twórczość okresu 1957-1972*, Lublin 2005). По-прежнему волнует польских исследователей судьба и творчество Александра Солженицына, особенно после его смерти в 2008 г. Внимания заслуживают монографии Петра Глушковского (*Antyrosja — historyczne wizje Aleksandra Sołżenicyna — próba polskiego odczytania*, Warszawa 2008) и Мартыны Ковальской (*Aleksander Sołżenicyn: homo sovieticus i człowiek sprawiedliwy*, Toruń 2011). Автор первой из них доказывает истинность тезиса, что в большинстве высказываний лауреат Нобелевской премии считал СССР антиномией родины по сравнению с идеализированной Россией. Книга варшавского исследователя является попыткой польского прочтения Солженицына, в то время как публикация Мартыны Ковальской из краковского центра — это анализ всего наследия писателя с антропологической точки зрения.

Польские русисты обращаются также к вопросам постмодернизма. После труда Галины Янашек-Иваничковой из Польской Академии наук, которая занялась разными вариантами постмодернистской поэтики (*Nowa twarz postmodernizmu*, Katowice 2002), в фокус внимания исследователей попали такие русские писатели как: Виктор Пелевин, Саша Соколов, Владимир Маканин, Владимир Сорокин и др. Упомянутая проблематика рассматривается также на материале драматургии (Walenty Piłat, *Na progu XXI wieku. Szkice o współczesnej dramaturgii rosyjskiej*, Olsztyn 2000, Halina Mazurek-Wita, *Teatr, życie, gra. Studia o pisarstwie dramaturgicznym Nikołaja Kolady*, Katowice 2002, Lidia Mięśowska, *Gra-nie w postmodernizmie. Dramaturgia rosyjska na przełomie XX i XXI wieku*, Katowice 2007). Рассматривается творчество не только Николая Коляды, но также Михаила Угарова, Алексея Шипенки и более молодых

Олега Богаева, Ольги Мухиной, Василия Сигарева. Объектом внимания исследователей стало также творчество Людмилы Петрушевской, которой посвящены две монографии — Ирины Хубицкой (*Proza Ludmiły Pietruszewskiej lat 1985-1995*, 2003) и Галины Вашкелевич (*Чернушная и прекрасная. Twórczość Ludmiły Pietruszewskiej*, 2007). В середине нулевых годов начали появляться попытки теоретически осознать характер перемен в литературе после распада Советского союза. Анна Скотницка в книге *Model prozy 'innej' w literaturze rosyjskiej po roku 1985* исследует модель новой, так называемой «альтернативной» прозы, и ее отношение к литературной традиции. Анна Скотницка подчеркивает новую функцию литературы, которая, перестав исполнять роль наставника, становится своего рода игрой, требующей активного участия читателя. Очередной попыткой создать образ перемен в современной русской литературе стала монография Алиции Володько-Буткевич *Od pierestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej* (2004). Здесь представлены основные явления современной русской литературы начиная с перестроечного времени — отношение к традиции, особенно советского периода, процесс единения отечественной и эмигрантской словесности, размышления относительно постмодернистской и популярной прозы. Отдельно рассматривается роль интернета как культурного пространства, а также перемены в литературной периодике и критике.

Стоит подчеркнуть, что в последние годы не появляются академические учебники или пособия по литературе. После публикаций 90-ых годов — Станислава и Габриели Порембы⁸ и Анджея Дравича⁹, которые уже в некотором смысле устарели, никто, кроме Богуслава Мухи¹⁰, не попытался представить

⁸ Gabriela Porębina, Stanisław Poręba, *Historia literatury rosyjskiej 1917-1991*, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1996.

⁹ Andrzej Drawicz, *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997.

¹⁰ См. Bogusław Mucha, *Historia literatury rosyjskiej. Od początków do czasów najnowszych*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2002.

полный синтез или хотя бы периодизацию современной русской литературы.

Анализируя круг интересов польских русистов-литературоведов можно прийти к выводу, что кроме хорошо знакомых подходов, исследователи обращаются к новейшим методологиям. Появляются работы о творчестве русских писательниц с учетом гендерных аспектов, разрабатываемые опольскими учеными во главе с Вандой Лящак. Особый вид исследований проводит Юстина Тыменецка-Суханек, инициатор и основатель Лаборатории Animal Studies на Филологическом факультете Силезского университета, которая в центр своего внимания ставит анималистическую тему в литературе. Междисциплинарные исследования под знаком экологического гуманизма и натурфилософии становятся все более популярными среди польских русистов, поскольку являются не только новаторскими, но и модными.

Сегодня наблюдаем все более выразительную тенденцию литературоведения к интердисциплинарности, что с одной стороны расширяет горизонт знаний, с другой — несет угрозу дилетанства. Несомненно, литературоведению трудно обойтись без помощи вспомогательных дисциплин, набор которых в XXI веке меняется или, скорее, пополняется.¹¹ Польская литературоведческая русистика не осталась равнодушной по отношению к антропологическому направлению в гуманитарных науках, отходя тем самым от *stricte* эстетического или формального подходов к литературным процессам. Появившаяся позднее переориентировка «традиционной» филологической парадигмы на эпистемологические исследования, на междисциплинарность и на интермедальность связана с культурологией и созданием новых областей знаний — эмигрантологии и россиеведения. Краковский ученый Люциан Суханек неоднократно указывал на связь славистического, осо-

¹¹ Напр. к давно использованным: текстологии, истории, языкознанию, философии, логике, психологии, фольклору, этнографии, искусствоведению и т. п. примыкают напр. социология, политология, медиаведение и др.

бенно русистического, литературоведения с философской антропологией, аксиологией и историей идей.¹²

Вне всякого сомнения, все исследователи в области гуманитарных наук ощущают их кризисное состояние, когда наряду с сокращением финансирования наблюдаем значительное понижение (хотя бы видимой) общественной потребности развития в этой области. Принимая во внимание интердисциплинарный характер современной литературоведческой русистики, следующим шагом кажется сотрудничество в рамках международных проектов. Создание научной группы, объединяющей не только исследователей разных отраслей гуманитарных наук, но также из других стран и академических центров, может привести к весьма интересным результатам. Кафедры русской литературы в Польше активно сотрудничают не только с вузами в России, но в не меньшей степени с западными университетами, что является результатом общеевропейской тенденции межстрановой мобильности ученых, в частности молодых.

Подводя итоги этих беглых заметок о польской литературоведческой русистике хотелось бы сказать, что, в общих чертах, она неоднозначна и разнообразна. Широкий спектр научных выборов ее представителей не охватывает, правда, всех явлений литературного процесса в России, свидетельствует однако о хорошем ознакомлении с предметом исследований. Польским русистам-литературоведам удастся сказать свое слово по вопросам развития словесности их восточного соседа, сохраняя объективизм в суждениях, несмотря на царствующее в польском обществе предвзятое отношение к России.

¹² Lucjan Suchanek, *Rosjoznawcza alternatywa slawistyki*, [w:] Zmierzch Herdera. *Filologiczne podstawy slawistyki*, red. J. Baluch A. Pająk, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010, s. 99-106; s. 100-101, Люциан Суханек, *Россиеведение и эмигрантология. Новые формы исследований и методики в польской славистике*, «Новая русистика» 2012, с. 17-21; с. 18.